

К. Ф. Рылеев

Провинциал в Петербурге

Русский фельетон. В помощь работникам печати.

М., Политической литературы, 1958.

OCR Бычков М. Н.

Одним из виднейших представителей литераторов-декабристов, наследовавших и продолживших сатирическую линию русской литературы XVIII в., был Кондратий Федорович Рылеев (1795--1826). Он стал членом Вольного общества любителей российской словесности -- легального литературного филиала ранней декабристской организации "Союз Благоденствия". В 1820 году в журнале "Невский зритель" появилась сатира Рылеева "К временщику", направленная против Аракчеева, всесильного фаворита царя, устроителя ненавистных народу военных поселений для крестьян.

В 1821 г. Рылеев выступил в том же "Невском зрителе" с серией фельетонов "Провинциал в Петербурге". Печатались они в отделе "Нравы", целью которого было показывать "оригинальные характеры, любопытные сцены из общественной и частной жизни". Рассказ провинциала-помещика о его пребывании в Петербурге носит характер критики "петербургской культуры" со стороны не испорченного этой "цивилизацией" малокультурного провинциала. Не выступая со своими прямыми суждениями, Рылеев сумел насытить фельетон острым публицистическим содержанием. Фельетоны Рылеева значительно отличались от других материалов "Невского зрителя" своей сатирической направленностью. Центральная тема их -- борьба декабриста-просветителя за чистоту нравов русского общества.

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД. МАГАЗИНЫ

Приехав с женою в Петербург, которого ни я, ни она родясь еще не видали, захотелось нам побывать в нем *везде* и посмотреть *на все*. Вследствие сего намерения на другой же день нашего приезда предположили мы начать осмотр свой с храма Казанская богородицы, "в котором-де кстати,-- примолвила жена моя,-- и отслужим, по долгу добрых христиан, благодарственный молебен за благополучное совершение нашего пути, а оттуда, душенька, заедем в магазин мадам А..." На первое предложение, как на богоугодное, я согласился с удовольствием, но при втором, признаюсь чистосердечно, от страха я невольно затрепетал, лоб мой покрылся морщинами и брови нахмурились... Жена моя хотя и не читывала Лафатера ¹⁾, но в четыре года замужества так успела всмотреться во все черты лица моего, что по малейшему движению умеет узнавать сокровеннейшие мысли мои. Приметив, вероятно, что я готовлюсь противоречить ей, она подскочила ко мне и так нежно, так сладко поцеловала, что все мои морщины, подобно тучам от дуновения ветра, исчезли и я приказал Трифону (который, если не хвастает, знает Петербург *и вдоль и поперек*) надеть свою ливрею и с запяток указывать кучеру дорогу.

Едва проехали мы несколько сажен по Невскому проспекту, как жена моя вскричала: "Ах, друг мой! Посмотри, какая бесподобная же шляпка! Заедем, пожалуйста!"-- "Что ты! В уме ли? Разве позабыла, что мы не отслужили еще молебна?" -- "Друг мой! Ангел! Утешь же меня! Ну, сам посмотри: что за шляпка на мне! Как я буду стоять в Казанской! Я сгорю со стыда!" Она проговорила это с таким жаром и так громко, что и проезжающие и проходящие оглянулись на нас. Боясь, дабы жена моя не заговорила еще громче, я поскорей приказал поворотить сани и привез ее в магазин.

-- Что вам угодно? -- спросила нас француженка, не приподнявшись даже со стула своего. *Она, верно, встретила нас по платью...*

-- Вот эту шляпку,-- сказал я, указывая на ту, которая соблазнила жену мою.

-- Подай! -- сказала француженка одной из сидевших за рукодельем девиц.

Шляпок было множество, и одна другой лучше! Прежняя не обращала уже на себя внимания. Ее поставили на свое место -- и начался перебор, который продолжался около часа. Сама мадам подошла на помощь -- и, наконец, шляпка выбрана. Только я приготовился отсчитать сто двадцать рублей, как был остановлен сими словами:

-- Постой, друг мой! Я еще хочу взять этот эшарп ²⁾.